

Глава 67. Ну и что, что храмовая проститутка? (6)

Бесконечные несчастья последних дней по-настоящему разозлили Ли Вэя. Но последняя его реплика тоже была не без хитрости.

«Передать что-то покойному» звучало как угроза, но разве проведение обрядов общения с мёртвыми не входило в обязанности храмовой проститутки?

Как ни крути, а работа ведь была сделана.

Раньше чёрная свеча уже говорила ему расплывчато: «Если ты не будешь исполнять обязанности храмовой проститутки, ты можешь умереть, а можешь столкнуться с чем-то ещё хуже, что я не могу описать словами, допустимыми для этой реальности». И Ли Вэй пошёл от обратного: если он будет исполнять какие-то обязанности храмовой проститутки, пусть и через лазейку, возможно, сумеет отсрочить собственную смерть.

Что? Есть ведь ещё второй вариант, не обязательно смерть?

Нет-нет. Об этом Ли Вэй думать отказывался.

Человек не может быть настолько невезучим. Надо просто верить в себя.

Снял очки он тоже в результате вынужденного компромисса. Когда крыша низкая, приходится наклоняться. Заодно это был удобный шанс проверить, насколько уже усилилось проклятие. Оставалось надеяться, что воля вождя действительно так же крепка, как она утверждала.

Сняв очки, Ли Вэй начал отсчитывать про себя: одна секунда, две, три...

Когда счёт дошёл до двадцати, вождь заговорила голосом человека, у которого всё под контролем:

— Понятно. Можешь надеть очки обратно.

Ли Вэй тихо выдохнул с облегчением.

Отлично. Речь связная, дикция чёткая. Реакция, правда, чуть замедленная, но в целом рассудок на месте.

Он искренне сказал:

— Это действительно проклятие. Я ищу способ его снять.

Для людей религиозного мира само понятие проклятия было не в новинку. Вождь слегка кивнула:

— Пусть подадут нашему гостю всё необходимое. Я знаю, что у тебя важное дело, господин Шерри, но сегодня уже поздно, да и ты весь день был в дороге...

О том, что именно вымотало Ли Вэя куда сильнее дороги, она, разумеется, не упомянула.

— Завтра днём я лично налью тебе кофе. И тогда, согласно обычаю бедуинского племени, какой бы просьбой ты ни обратился как наш гость, мы сделаем всё возможное, чтобы её исполнить.

Стоит ещё раз уточнить: такой обычай у бедуинов действительно существовал. Так что слова вождя были вполне осмысленными и трезвыми. Значит, влияние проклятия на неё оказалось не слишком тяжёлым.

И всё же, едва она договорилась, сразу трое или четверо людей, которые совершенно не походили на слуг, поднялись с мест с совершенно поплывшими лицами и явно собрались «обслужить гостя».

Вождь: «...»

Ли Вэй: «...»

Это что сейчас было? Обслуживание телом?

— Вернитесь! — рявкнула вождь, а потом повернулась к Ли Вэю: — Прости. Мы не станем мешать тебе отдыхать.

Пришла она с внушительным размахом, а отступала уже не так величественно. Главным образом потому, что те несколько людей, у которых силы воли не хватило, шли за ней, постоянно оборачиваясь. Атмосфера получилась крайне неловкой.

У самого выхода она вдруг вспомнила ещё кое-что:

— Твоего спутника привязали снаружи.

Речь шла об АЗ.

— Не волнуйся. Ему тоже подготовят место на ночь.

Причина, по которой их не оставляли вместе, была проста. Если бы Ли Вэй и АЗ вдруг решили совместно что-то замышлять против племени, бедуинам пришлось бы нелегко.

Получивший статус уже настоящего почётного гостя Ли Вэй смог поговорить с АЗ.

Под негодующим и трудноописуемым взглядом агента он в сопровождении целой свиты вышел из шатра. Небо уже темнело. АЗ сначала принял бинты на руке Ли Вэя за часть арабского одеяния и потому спросил:

— Так тебя всё-таки взяли в семью?

Ли Вэй ещё не успел ничего ответить, а мужчины и женщины рядом с ним уже засмеялись — легко и звонко, как будто слышали что-то забавное.

Они толпились возле Ли Вэя, как вокруг редкого и опасно красивого зверя, с готовностью исполняли любой его жест, а когда встречались взглядом с ним сквозь тёмные стёкла очков, тут же замирали, словно пойманные с поличным. Стоило же Ли Вэю отвернуться, как они мигмом возвращались к родственникам и начинали шёпотом и с возбуждением делиться ощущениями.

АЗ от этого зрелища аж перекошило от зависти.

И хуже всего было то, что он не мог понять, чему завидует сильнее.

— Вождь согласилась поговорить с нами, но только завтра, — Ли Вэй хлопнул его по плечу. — А

пока иди с ними отдыхать.

АЗ кивнул. Его тут же увели в другой шатёр, и он чувствовал себя не человеком, а какой-то проходящей мимо навьюченной скотиной. Пожилой мужчина лет пятидесяти с чем-то бросил ему жёсткое шерстяное одеяло, и АЗ поспешил воспользоваться моментом:

— Что тут произошло днём?

Мужчина, даже не поднимая головы, ответил:

— Ты о том, что было после того, как вас привезли? Несколько детей просили за твоего спутника, но наш брат погиб по вине Самира аль-Мактума, а заступаться за его посланника значит предавать племя. Поэтому начальник охраны пришёл в такую ярость.

— И что дальше?

— А дальше он пошёл мучить твоего друга, но ничего не добился. Твой друг сильный человек, господин. Мы обычно презираем тех, кто пользуется внешностью и словами, чтобы хитростью выигрывать чужое расположение. Но твой друг — исключение.

АЗ задумался и осторожно спросил:

— Вы захотите оставить его у себя?

— Это будет решать вождь и совет старейшин.

— Насколько я знаю, у него уже есть парень.

Тема однополый любви здесь была не то чтобы совсем запретной, но весьма скользкой.

Мужчина на секунду замер, перестав поправлять постель, и спросил:

— Вы двое в паре?

АЗ прикусил язык. На одно короткое мгновение ему до безумия захотелось ответить «да». Но в голове холодным голосом прозвучало: помни, на чьей ты стороне.

— Нет, — сказал он. — Мы с ним познакомились уже по дороге.

Собеседник заметил колебание и с усмешкой бросил:

— Ты завидуешь его парню?

На лице АЗ появилась ровно та степень неловкости, которая и была нужна:

— Я даже не знаю, кто у него парень. И вообще, мне нравятся женщины. Но очевидно ведь, что даже без всякого проклятия желающих рядом с ним и так было бы много.

Мужчина опустил голову и начал бормотать строки из священного текста:

— «Он создал для вас супруг из вашей среды, чтобы вы находили у них покой, и установил между вами любовь и милость... Неужели вы будете вступать в связь с мужчинами, оставляя жён, которых сотворил для вас ваш Господь? Нет, вы люди преступные...»

Пока он это проговаривал, то уже направился в сторону шатра вождя.

АЗ догадался, что тот пошёл докладывать ей: Ли Вэй — гомосексуал и человек с беспорядочной личной жизнью, а значит, вряд ли пригоден для того, чтобы стать опорой племени.

Часть двусмысленных фраз АЗ специально подобрал так, чтобы направить консервативное местное мышление именно в эту сторону. Если Ли Вэй вдруг начнёт сближаться с бедуинами, самому АЗ это будет крайне невыгодно.

Но, как только слова были сказаны, разум и чувства в нём разошлись окончательно, и от этого он ощутил сразу и сожаление, и боль.

Он долго сидел один в шатре, несколько раз доставал телефон, собираясь кому-то написать, и каждый раз так и не решался. В итоге только беззвучно выругался, лёг, сжал в руке маленький крестик и уткнулся лицом в одеяло, пахнущее верблюдом, ворочаясь до самого рассвета.

Ли Вэй о его душевных терзаниях ничего не знал.

Вернув себе телефон, он сел под яркой луной на каменистой пустынной равнине и какое-то время листал соцсети. В глубине пустыни сигнал был ужасный. Когда значок загрузки крутился уже третью минуту, Ли Вэй сдался. Он ткнул пальцем в экран и написал Дрейтону:

«Ночи в пустыне очень холодные. Небо полно звёзд, словно ночной центр Н-города. Вокруг ничего нет, только камни и я».

Пока сообщение пыталось уйти, Ли Вэй, подперев подбородок, немного подумал и медленно добавил ещё одну строку:

«Скучаю по тебе».

Отправить.

Чёрный кружок загрузки несколько раз повернулся, потом значок сигнала в правом верхнем углу экрана погас.

Это отправилось или нет?

Ли Вэй пару раз обновил экран, увидел, что связи как не было, так и нет, и убрал телефон. Затем просто закрыл глаза.

...

На другом конце Земли Федерация входила в вечер.

Солнце тонуло в реке Паттерсон. Небо густело глубоким фиолетом. Огни машин растягивались красными полосами по асфальту. В тот момент, когда сообщение Ли Вэя пробилось в папку входящих, Дрейтон стоял спиной к стеклянной стене и смотрел на несколько световых пятен на столе.

Его голову целиком занимали сложные, холодные вопросы, не имеющие никакого отношения к жизни как таковой. В старом здании одно за другим загорались окна, будто огромная машина переключала передачи, разогревшись до предела в облаке пара. Люди внутри этой машины беспрестанно ёрзали, метались, брали срочные звонки, таскали толстые папки, исчезали в дверях и возвращались обратно...

И вдруг телефон Дрейтона дважды коротко завибрировал.

Он чуть повернул голову и уставился на экран, словно на существо, которое только что проснулось. Кто это мог быть? ЦРУ? ФБР? Белый дом? Как бы то ни было, слова для ответа у него уже были готовы. Точные, выверенные, осторожные. Настолько безупречные, что противник не смог бы прицепиться, а союзник получил бы всё, что хочет.

Но буквы, вспыхнувшие на экране, были несравнимо более беспорядочными, размытыми и опасными, чем любой из подготовленных им ответов.

Скучаю по тебе.

Весь окружающий шум внезапно исчез.

Пока мозг ещё пытался разобрать эти буквы, вторая строка ударила следом, как прилив, сразу принеся за собой картину: золотые песчаные холмы, огромную луну, усеянное звёздами небо, а под ним знакомую фигуру, стоящую в полном одиночестве...

Ещё до того, как эта воображаемая фигура успела обернуться и что-то сказать, помощник окликнул его:

— Начальник? Сэр?

Дрейтон резко погасил экран.

Помощник, ни о чём не подозревая, спросил:

— Что-то срочное?

— Нет, — ответил Дрейтон, быстро собравшись. — На чём мы остановились?

* * *

На следующее утро, приведя себя в порядок, Ли Вэй вслед за слугой вошёл в шатёр вождя.

Будто между сторонами никакого напряжения и не существовало, вождь сразу перешла к делу:

— Нам предстоит обсудить две вещи. Первое — требования нефтяного магната Самира аль-Мактума. Второе — твоё проклятие. Начнём с первого. Ты осматривал тело погибшего?

— Осматривал, — сразу ответил Ли Вэй. — С его смертью связано нечто очень странное.

— Просто странное? — резко усмехнулась вождь. — Похоже, Самир прислал тебя сюда, чтобы замять дело. Но я не намерена доставлять ему такую радость. Нам не нужны ни его деньги, ни его люди. Скажу прямо: наш брат погиб во время неудавшегося ритуала.

Ли Вэй невольно выпрямился.

Вождь спросила:

— Ты слышал когда-нибудь о Совете Чёрного Песка?

Слышал.

Когда он подслушивал разговор АЗ с неизвестным, тот упоминал Совет Чёрного Песка.

Но сейчас АЗ сидел рядом с ним.

Ли Вэй незаметно покосился в его сторону и увидел на лице ту же самую растерянность.

Хорошо играет.

Подумал Ли Вэй.

Он неторопливо произнёс:

— Нет. Простите, впервые слышу.

— Вы ничего не знаете и всё равно полезли в сердце пустыни? — вождь со смешком откинулась назад, отбросив волосы и устраиваясь на подушках с золотым шитьём.

Ли Вэй в ответ тоже улыбнулся:

— Тогда прошу, расскажите нам.

«...»

Вождь помолчала, прижала ладонь ко лбу и сказала:

— Нет, тебе лучше не улыбаться. Пока ты не избавишься от проклятия, в моём племени тебе нельзя улыбаться ни одному мужчине и ни одной женщине. На чём я остановилась?

— На Совете Чёрного Песка, — подал голос АЗ.

— Верно. Совет Чёрного Песка — это международный союз ближневосточных нефтяных магнатов, европейских торговцев оружием и южноазиатских хозяев сетей по торговле людьми. Бедуинские племена, которые способны без препятствий пересекать пустыню, тоже входят в этот союз. Каждый год, во время сезона хаджа в Мекку, разные силы под прикрытием потока паломников сходятся в глубине пустыни, а Дубай становится естественным перевалочным пунктом для серых денег.

Ли Вэй сохранял серьёзное лицо и спросил:

— Почему вы готовы рассказывать это нам?

— Потому что Самир аль-Мактум только изображает нефтяного магната. На деле он дубайский представитель Совета Чёрного Песка. Под предлогом ремонта храмов он оборудовал тайную комнату внутри золотого купола мечети Зайда, чтобы там можно было проводить заседания Совета.

— Погибший был представителем моего племени, которого я отправила на эту встречу. Мы — государство сами по себе. За пределами города пустыня принадлежит нам. Самир обязан был проявить к нашему человеку высшую степень уважения. А вместо этого он позволил ему умереть, весь покрытый чёрным песком. Бедуины не простят такого унижения.

Ли Вэй так же сухо уточнил:

— Что именно представляет собой этот чёрный песок?

— Это песок, пропитанный кровью верблюда, — ответила вождь. — Для жителей пустыни верблюд — священное существо. Его молоко утоляет жажду, мясо кормит, шкура идёт на одежду, шерсть — на шатры, навоз служит топливом, моча используется для ухода за волосами. А кровь — символ высшей силы. Песок, пропитанный верблюжьей кровью, способен заменить собой кару божества.

Сказала она много. И всё выглядело чрезвычайно важным.

Но ни слова не сказала о том, почему мёртвые начинают двигаться.

Поэтому Ли Вэй тоже сделал вид, будто он по-прежнему ни о чём не догадывается:

— То есть вы были тяжело оскорблены и потому не можете просто принять предложение Самира аль-Мактума о мире.

Лицо вождя сразу заметно смягчилось.

— Разумеется, мой дорогой друг. Передай ему, что, если он не уступит мне половину прав на чёрный песок, всё это не закончится.

Любой человек, не знающий деталей, легко решил бы, что под «правами на чёрный песок» она имеет в виду какую-то отвлечённую сферу влияния. И сама вождь явно стремилась именно к такому эффекту.

Но у Ли Вэя сразу возникла другая мысль.

Чёрный песок — прямая причина того, что трупы начинают двигаться. Сейчас этот ресурс в основном находится в руках Самира аль-Мактума. А бедуинское племя хочет воспользоваться нынешним случаем, чтобы изменить расклад.

Похоже, и внутри самого Совета Чёрного Песка всё уже не так однозначно. Один лагерь поддерживает городскую сторону, другой пустынную.

Раз вождь бедуинов решила выдвинуть такое требование, значит, у неё уже появилась уверенность в том, что в случае конфликта она сможет тягаться с противником.

Но тогда какой смысл в участии во всём этом «ничего не понимающего» посредника и уборщика преступлений? Вернее, уборщика мест преступлений?

— Ты должен предотвратить войну, — сказал АЗ, когда начался перерыв и они вышли из шатра.

АЗ всеми силами изображал, будто думает о всеобщем благе. Но чего он добивается на самом деле?

— Самир аль-Мактум никогда не согласится на её требования, — ответил Ли Вэй.

— Поэтому наша задача — торговаться с обеими сторонами до тех пор, пока все не окажутся удовлетворены.

Ли Вэй никак не мог до конца понять, чего хочет АЗ, и только коротко усмехнулся:

— Я никогда не умел делать людей довольными. С самого детства я научился только одному — как сделать так, чтобы все остались недовольны.

— Вот смотри: если бы я не был гомосексуалом, то с моим нынешним проклятием мы бы уже давно без труда добились расположения племени.

До чего же жалко звучит.

Подумал АЗ, глядя на натянутую улыбку на лице Ли Вэя. В груди у него разом поднялись нежность и жалость такой силы, какой он не испытывал, кажется, никогда в жизни.

— Ты справишься, — сказал он. — Я тоже помогу.

Отдохнув немного, они вернулись в шатёр.

Ли Вэй, выполняя приказ вождя, спрятал улыбку, надел очки и вообще уже был готов намотать на лицо ещё и платок. Но даже так взгляды на нём продолжали висеть со всех сторон.

Стоило вождю только подумать о том, что Ли Вэй — гомосексуал, что девушки уже мечтают о нём, а мужчины втайне строят планы, как под видом «божественного наставления» его нужно будет «исправить» и «наказать», и притом это касалось именно Ли Вэя, а не абстрактного явления, у неё тут же начинала раскалываться голова.

— Откуда взялось твоё проклятие и как его снять? — спросила она.

— Мне нужно найти человека по имени Судья. Вы не знаете его? — ответил Ли Вэй.

— Хм?

Вождь так резко выпрямилась, что аж вцепилась рукой в подлокотник.

— Ты разве не о том Судье, который живёт в пустыне?

<http://bllate.org/book/17014/1657217>